

— Я заберу это для своей второй половинки!

Хуа Ба: Если человек не проявляет интереса, это лишь значит, что ты выбрал неверный подход. Ты вообще понимаешь, что нужно дарить то, что нравится другому? Подарки должны радовать адресата, а не тебя самого. Ты можешь умиляться собственному благородству, но со стороны это выглядит просто тошнотворно. Подумай, что он любит? Драгоценности? Изысканные вещицы? Или у него какие-то специфические увлечения?

Сун Чжиянь: ...К черту специфические увлечения.

Хуа Ба: Животные?

Сун Чжиянь: Кошки?

Сун Чжиянь: !!! Я понял. Так и сделаем.

Не говоря уже о том, что некий господин, глядя на стремительно гаснущую иконку собеседника, потирал подбородок и загадочно улыбался. Он обернулся к красавцу, чей яркий макияж и пышный наряд делали его даже более пленительным, чем любая женщина. Окалив зубы в улыбке и задрав нос, он принялся хвастаться:

— Милая, только что кое-кто пытался тебя оскорбить, но я его жестко осадил!

Получив в ответ лишь высокомерный, но чертовски притягательный взгляд и легкий поцелуй, Хуа Ба расплылся в довольной улыбке, чувствуя себя на седьмом небе от счастья.

Сун Чжиянь, ну что ж... теперь иди и поборись за внимание с кошкой! Хи-хи-хи! Кто просил тебя задевать мою вторую половинку?

Кстати... никогда бы не подумал, что господин Сун предпочитает именно такой типаж! Неудивительно, что столько лет никто так и не смог затащить его в постель.

16. Поворот

В последние дни Чжан Цзиньсяо, как и прежде, старательно готовил для Сун Чжияня еду и сохранял облик терпеливого и нежного спутника. Однако Сун Чжиянь постоянно ощущал между ними тонкую, едва уловимую стену отчуждения, и это приводило его в крайнее раздражение.

Проявлялось это в мелочах: когда Сун Чжиянь намеренно жаловался на дела компании или принимал звонки по работе в присутствии Чжан Цзиньсяо, тот вел себя подчеркнуто отстраненно. В первом случае он лишь молча слушал, никогда не высказывая своего мнения, а во втором — просто уходил, делая вид, что он здесь чужой.

Сун Чжиянь чуть не кусал локти от досады: к чему это отчуждение? Если бы Чжан Цзиньсяо только захотел, он бы с радостью отдал ему не только эту компанию, но и десять таких же!

Не имея иного выхода, Сун Чжиянь ускорил реализацию своего плана по покупке милого котенка, чтобы вымолить прощение.

К счастью, пока Сун Чжиянь был занят тщательным выбором котика, владелец цветочного магазина наконец привез горшки, заказанные Чжан Цзиньсяо, и сами растения.

Хозяин магазина, доставив товар, еще раз подробно проинструктировал их об уходе за цветами, но как именно их расставить — решать было только им самим.

Было видно, что владелец подошел к делу с душой, надеясь на возвращение клиентов: цветы выглядели свежими и очень красивыми. Чжан Цзиньсяо присел на корточки рядом с горшками, любуясь то одним, то другим растением, и никак не мог решить, что куда поставить — он был не в силах отказаться ни от одного из них.

Сун Чжиянь, наблюдая за этой редкой сценой, нашел ее весьма занятной. Окинув взглядом цветы, с которыми у Чжан Цзиньсяо возникли наибольшие трудности, он мгновенно выстроил в голове идеальную композицию.

— Знаешь, а ведь можно освободить тот большой горшок. Мы сами посадим туда семена, например, вьющиеся растения. Поставим опоры, немного подрежем — и к лету у нас будет целая стена из цветов. Даже когда они не цветут, зелень будет радовать глаз. Кто знает, может, к нам даже птицы заглянут отдохнуть.

Его план был настолько заманчив, что Чжан Цзиньсяо, немного подумав, уже был очарован этой картиной, и в уголках его глаз промелькнула улыбка.

Однако, поразмыслив еще немного, Чжан Цзиньсяо указал на ярко-красные цветы рядом:

— А как же они?

Воодушевление Чжан Цзиньсяо, вызванное описанием Сун Чжияня, очень порадовало последнего. Он лишь еще раз убедился, что Чжан Цзиньсяо любит именно такую «оживленную» атмосферу.

Конечно, не ту суетливую «оживленность» светских приемов, а ту особую, наполненную жизненной силой домашнюю теплоту.

— Разве у нас нет отличных горшков? Давай рассадим их по цветам, расставим на разной высоте. Этот большой горшок не должен пустовать — можно пересадить туда хлорофитум или что-то подобное, быстрорастущее и неприхотливое.

Чжан Цзиньсяо улыбнулся, явно одобряя эту идею.

Сун Чжиянь тоже самодовольно усмехнулся. Чего-чего, а опыта ему было не занимать — прожив столько жизней, он научился всему понемногу. Видавший в разных мирах роскошные дворцы и изящные беседки, он легко справится с оформлением маленького балкона.

Закончив с примерным планом, они принялись за работу. Распределив обязанности, один

переставлял горшки, другой занимался пересадкой. Земля, лопатки, лейки и прочие мелочи заполнили всё свободное пространство.

Этот день пролетел быстрее, чем любой другой.

— Спасибо тебе большое, — Чжан Цзиньсяо смахнул со лба выступившую капельку пота и посмотрел на свой маленький зеленый уголок. В его глазах, мягких и нежных, отражался свет, словно лепестки персика, упавшие в прозрачную воду.

Сун Чжиянь замер, будто кто-то поразил его в самое сердце.

Это было подобно весеннему ветерку, скользящему по ветвям ивы, отблескам солнца на спокойной воде, каплям росы на рассвете... Нежность, в которой хотелось утонуть.

Сун Чжиянь никогда не мог точно описать чувства, которые вызывал в нем Чжан Цзиньсяо, но сегодня он, кажется, начал понимать.

У того не было той ослепляющей харизмы, из-за которой его легко можно было не заметить, ведь он был слишком тихим. Но тишина не означала отсутствие или незначительность. По крайней мере, для Сун Чжияня только эта мягкая, но настойчивая забота, этот ровный и бесконечный поток тепла был тем, что заставляло человека, повидавшего тысячи лиц и испытавшего столько боли, забыться, словно в хмельном дурмане.

Изначально он хотел лишь отплатить за десять лет преданности и ту чистую любовь, на которую не мог ответить. Но внезапно он осознал, что стоит на зыбучих песках и медленно погружается в них.

В этот миг, встретившись взглядом с чистыми, до боли искренними глазами Чжан Цзиньсяо, Сун Чжиянь впервые в жизни сбежал, не понимая даже, что творится у него на душе.

Дверь отгородила его от изумленного взгляда Чжан Цзиньсяо.

Сидя в своей комнате, Сун Чжиянь тяжело дышал, покусывая губы. Он пытался привести в порядок мысли.

С самого начала, встретив Чжан Цзиньсяо, он видел, как тот, пройдя через столько страданий, не жаловался и десять лет ухаживал за «овощем». А сколько в жизни человека таких десятилетий?

Чувство вины, сложность ситуации и вынужденное бездействие заставили его остаться в реальности. Это было и способом отплатить за доброту, и новым жизненным опытом — попыткой прожить жизнь обычного человека, о которой он давно забыл.

Однако он не ожидал, что за эти месяцы реальность, которая казалась ему скучной и лишенной вызовов, вдруг станет для него источником такого спокойствия и счастья.

Чжан Цзиньсяо был словно весенний ручей, питающий иссохшую душу Сун Чжияня.

Он горько усмехнулся, осознав, что тот, кто медленно проигрывает эту битву — это он сам, человек, который никогда не ошибался.

Стоит ли остановиться, пока не стало слишком поздно, чтобы избежать зависимости от внешних обстоятельств, или... просто плыть по течению? Сун Чжиянь облизнул губы, колеблясь.

В этот момент за дверью слышались легкие шаги. Они замерли секунд на пять, после чего раздался стук. Хотя голос Чжан Цзиньсяо звучал глухо через дерево, его нерешительность и беспокойство дошли до Сун Чжияня отчетливо:

— Ты в порядке? Я приготовил фрикадельки, хочешь немного?

...

То, что Сун Чжиянь так внезапно скрылся в комнате, очень удивило Чжан Цзиньсяо. Но, вспомнив, как тот жаловался на усталость, он тут же начал винить себя в невнимательности: ведь он позволил ему весь день возиться с цветами.

Чжан Цзиньсяо как раз раздумывал, не позвать ли его попозже, когда дверь распахнулась. Сун Чжиянь, почуяв аромат, вышел из комнаты. Увидев в руках Чжан Цзиньсяо миску с горячими фрикадельками, он просиял, даже не обратив внимания на жар, взял миску и сделал большой глоток.

— Как раз проголодался!

Чжан Цзиньсяо не успел его остановить. Он с изумлением наблюдал, как Сун Чжиянь, не чувствуя обжигающего пара, с удовольствием выпил вторую порцию сладковатого бульона.

— Ты сам-то ел? — спросил Сун Чжиянь, взглянув на него.

— Еще нет, в кастрюле осталось, я поем позже.

— Нечего ждать, давай вместе, — Сун Чжиянь пошел к столу, продолжая есть на ходу. — Ты вечно ешь так мало, я должен присматривать за тобой.

Чжан Цзиньсяо улыбнулся:

— Тогда садись.

Чжан Цзиньсяо всегда был методичен во всем. Будь то заваривание чая или мытье посуды, изящные ритуалы или обычная домашняя работа — он делал всё без тени нетерпения. Люди рядом с ним невольно заражались этим спокойствием.

Когда Чжан Цзиньсяо наложил себе порцию, Сун Чжиянь уже прикончил половину своей миски. Порция Чжан Цзиньсяо была гораздо меньше, и тот, подходя к столу, спросил:

— Тебе еще нужно? В кастрюле осталось.

В кастрюле осталось, а ты ешь так мало?! Уголок рта Сун Чжияня дернулся:

— Ты принимаешь меня за бездонную бочку или хочешь, чтобы я выглядел на твоём фоне

обжорой?

Сун Чжиянь считал, что в Чжан Цзиньсяо всё прекрасно — его выдержка и невозмутимость были очевидны даже слепому. Но вот в еде он вел себя как ребенок.

Он тяжело вздохнул, помешал фрикадельки в своей миске и, не поднимая головы, спросил:

— Скажи честно, я тебя раздражаю?

— ?? — Чжан Цзиньсяо не понял вопроса, но инстинктивно покачал головой. В ту же секунду сидевший рядом человек с молниеносной быстротой переложил половину содержимого своей миски в его белую фарфоровую чашку, пока та не наполнилась до краев.

Чжан Цзиньсяо: ...

Когда он повернулся, Сун Чжиянь уже невозмутимо ел свою порцию.

Чжан Цзиньсяо не сдержал улыбки:

— Что ты делаешь? Я же сказал, мне хватает. Если захочу, сам добавлю.

— Брось, ты ешь меньше кошки. Раньше мы не ели вместе, я и не знал. Теперь я буду следить за тобой. Ешь давай, потом разберемся, осталось что-то или нет.

Хотя Сун Чжиянь торопил его, он сам ел медленно, наслаждаясь каждым кусочком. Увидев, что Чжан Цзиньсяо заканчивает, он вдруг в шутливой манере бросил:

— Ай, смотри на себя. Если бы не я рядом, как бы ты жил?

Чжан Цзиньсяо лишь мягко улыбнулся:

— Никто не может прожить без другого.

Никто не может прожить без другого. Вопрос лишь в том, насколько хорошо ты живешь и остаешься ли при этом самим собой.

17. Му Ань

Никто не может прожить без другого. Сун Чжиянь считал эту фразу верной — мир не остановится, если из него исчезнет один человек. Однако, несмотря на свое восхищение этой истиной, он всё равно оставался рядом с Чжан Цзиньсяо, продолжая вести себя как ленивец, живущий одним днем.

На самом деле, причина была проста: заметив ту легкую улыбку на лице Чжан Цзиньсяо, когда он произносил эти слова, Сун Чжиянь понял, насколько глубока скрытая в них печаль.

Никто не рождается сильным. То, что называют спокойствием, зачастую является лишь онемением после бесконечных ударов судьбы.

Сун Чжиянь не хотел хвастаться тем, насколько он важен для Чжан Цзиньсяо, но он не мог допустить, чтобы тот снова испытал боль утраты или хотя бы тень страдания на своем лице.

Приняв решение, он расслабился. Но как раз когда он собрался наладить отношения, выяснилось, что Чжан Цзиньсяо снова занят. Сун Чжиянь был в отчаянии:

— ...

Ведь они нормально провели вместе меньше недели! И это с учетом двух дней «холодной войны» из-за его неосторожных слов! Если бы не совместное садоводство, они до сих пор были бы в ссоре.

Сун Чжиянь выглядел как брошенный пес, повесив нос, но именно это придавало ему неожиданное очарование. Необъяснимым образом Чжан Цзиньсяо протянул руку и погладил его по взъерошенным волосам:

— Вечером вернусь вовремя.

В тот момент, когда его коснулась рука, Сун Чжиянь наконец понял, почему существа из Мира Сансары, чья истинная форма — божественные звери, так любят, когда их гладят, и почему они позволяют это делать только в облике маленьких зверьков! Потому что, хотя это и приятно, но чертовски стыдно!

Господин Сун колебался между удовольствием от ласки своего А-Сяо и сохранением собственного достоинства. Не успел он выбрать, как Чжан Цзиньсяо уже невозмутимо убрал руку.

— Ты говорил, что вернул себе контроль над корпорацией Сун, почему выглядишь таким бездельником?

— Если всё буду делать я, зачем тогда сотрудники? — пожал плечами Сун Чжиянь. — Пусть тренируются. Я задаю направление, остальное — мелочи.

— К тому же, — он сделал паузу и, убедившись, что Чжан Цзиньсяо смотрит на него, хитро улыбнулся, — если я буду носиться как раньше, как я смогу проводить время с тобой?

Сун Чжиянь сказал это в шутку, кокетливо, но Чжан Цзиньсяо на мгновение замер, а затем ответил:

— Твое здоровье стало лучше, можешь гулять или заниматься чем хочешь, не обязательно сидеть дома. Но... курить и пить не стоит.

Сказав это, он поспешно ушел, оставив Сун Чжияня в полном оцепенении. Тот был шокирован:

— Я... неужели я похож на того, кто будет шляться по барам?

Что ж... раньше он был именно таким. QAQ

В прошлом молодой господин Сун только и делал, что волочился за женщинами и искал развлечений. Но сейчас... даже в Море Сансары случайные связи с мужчинами были давно в

прошлом. Иначе почему те сопляки за спиной шептались о нем такое?

Но это называется «познать жизнь и отбросить суету»! Сун Чжиянь чувствовал себя несправедливо обиженным.

Но это также доказывало, что он вел себя недостаточно хорошо. Склонный к самоанализу, он облизнул губы, схватил ключи и вышел.

Тем временем Чжан Цзиньсяо уже был в офисе.

Сейчас развлекательных компаний в стране было великое множество. «Хэнъин», конечно, не дотягивала до гигантов вроде «KL» или «Ланьсин», но была крепким середняком. У нее была солидная поддержка, иначе она не смогла бы за семь-восемь лет вырасти и занять свою нишу между двумя акулами бизнеса.

Однако ресурсов у нее было меньше, и из-за отсутствия настоящих звезд первой величины им приходилось делать ставку на молодых айдолов.

В кабинете Му Аня Чжан Цзиньсяо тихо просматривал свежий выпуск новостей индустрии развлечений. Там были и успехи коллег, и награды, но больше — очевидный пиар.

Независимо от того, были ли эти новости ценными или интересными для него, он читал их с предельной серьезностью. Глядя на его сосредоточенное лицо, можно было подумать, что он изучает классическую литературу.

Му Ань, как золотой агент «Хэнъин», был постоянно занят на совещаниях. Несмотря на договоренность, он задержался и, войдя, увидел, как Чжан Цзиньсяо корпит над журналом сплетен, словно студент перед экзаменом.

Му Ань цыкнул, ослабил галстук и развалился на диване. Строгий и профессиональный агент в этот момент выглядел так, будто готов уснуть.

Чжан Цзиньсяо улыбнулся ему и встал, чтобы налить воды:

— Пейте, мой дорогой агент.

Му Ань хмыкнул, не церемонясь, залпом выпил воду, вытер рот рукавом и начал ругаться:

— Эти идиоты! Они правда думают, что стали звездами? Спели пару песен, станцевали — и метят в короли? Почему бы им просто не пойти поспать? Такие высокомерные, а работать не хотят. Кто их вспомнит через пару месяцев?

<http://bllate.org/book/19085/1874250>